

Марина Линда

Мешок с мидиями

Море набрасывалось на нас из-за угла, и каждый раз – внезапно. Несмотря на то, что мы начинали ждать встречи с ним еще за два поворота. Вот мы сворачиваем к монастырю, медленно крадемся к нему по узкой дороге, стараясь не зацепить днищем машины острые «лежачие полицейские». Вот мы проезжаем колокольню, снова сворачиваем и тянемся вдоль монастырских строений, перешагивая ямы. И...

– Привет, море! – звонко кричат дети на заднем сиденье.

– Привет, море! – машу я рукой ярко-синему лоскутку, проважавшемуся к нам между кронами диких маслин.

Мы вверху, море – еще внизу. Впереди – долгий спуск. Но мы уже вместе.

Этот пляж мы с детьми открыли для себя пару лет назад. И полюбили его сразу по нескольким причинам. Мне нравилась его малолюдность, даже в разгар сезона. Дочке – пологое песчаное дно с обилием мелких рыбешек. Сыну – длинный пирс, с которого можно нырять сколько хочешь.

Но была еще одна причина, по которой я ездила именно на этот пляж, – двое людей, встречи с которыми я всегда ждала. Спускаясь с парковки к морю, я сразу начинала выискивать их глазами и выдыхала с облегчением, обнаружив их на том же самом месте.

Эта семейная пара привлекла мое внимание с первой же встречи. Им было точно за шестьдесят. А может, семьдесят. Когда рано утром мы приходили на пляж, они уже были там. Жена – симпатичная блондинка в сплошном черном купальнике и аккуратной шляпке – сидела в раскладном кресле возле небольшого

столика под зонтом у самой кромки моря. Второе кресло обычно пустовало.

Мы расстилали свое покрывало рядом, надували круги, мазились кремами от солнца, пробовали воду на ощупь и ждали. Мы ждали того момента, когда вдалеке из-под воды покажется трубка и спустя несколько секунд на берег выйдет мужчина в маске, увешанный мешками с добычей.

Он был похож на облысевшего Хемингуэя: высокий и подтянутый, с аккуратной седой бородкой и блестящими глазами. Выйдя из моря, он выкладывал мешки с мидиями, рапанами и крабами к ногам своей жены в сопровождении бурных восторгов пляжной ребятни.

Почему-то я мысленно сразу приклеила ему имя Капитан. Видимо, где-то в моих детских фантазиях именно так выглядел капитан дальнего плавания в отставке. Мои дети с любопытством разглядывали улов бесстрашного покорителя глубин. А я с не меньшим любопытством рассматривала эту семейную чету.

Я следила за тем, с какой внимательной заботой она наливает ему чай из блестящего термоса. Как добавляет обязательный ломтик лимона. Как подает ему чашку. Я слушала, с каким увлечением он рассказывает ей о том, что видел на глубине, и о своем улове. Некоторое время спустя он снова уходил в море. А она снова застывала в привычном ожидании.

Иногда он задерживался, и она начинала волноваться. Сперва вглядывалась в морскую гладь, слегка прищурив глаза. Потом вставала и шла в воду. Она заходила в море ровно до того момента, когда вода скрывала ее пышную грудь. И почти сразу вдалеке показывалась трубка Капитана.

– Волшебство какое-то! – удивленно сказала я вслух, наблюдая за ними однажды.

– Где? – заинтересовался сын.

Я поведала ему о своих наблюдениях, а он ответил так просто, словно это было абсолютно очевидно:

– Наверное, он слышит ее сердце. Оно же под водой. И он под водой.

– Как это я не догадалась? – улыбнулась я и потрепала русый вихор сына, густо пересыпанный ракушками.

Может, это Капитан заразил моего сына страстью к добыванию мидий. А может, в нем просто заговорил инстинкт добытчика. Но мы перестали ездить на море «просто так».

– Зачем ехать на море, если ничего не ловить?

Этот вопрос в нашей семье стал риторическим, и в багажнике машины поселился обязательный сетчатый мешок для мидий. Теперь мы с дочкой загорали в процессе перебирания улова на берегу. И так же, как и жена Капитана, тревожно поглядывали в море время от времени.

Как-то раз наше ожидание сильно затянулось. Я убеждала себя в том, что ситуация под контролем: Тимур отлично плавает, а море спокойное и теплое. Но в голове все громче стучала мысль: «Слишком долго!».

– Мам, я кушать хочу, – пожаловалась Алиса.

– Да, дорогая, – я механически выдала дочке бутерброд, не сводя взгляда с безликой поверхности моря.

Там было голо и скучно. На унылом морском полотне не хватало самого главного – макушки сына. Что делать? Паника стискивала виски все плотнее. А если он набрал слишком много мидий и не может всплыть? А вдруг судорога? Как быть? Где искать?

«Сердце!» – вспомнила я. Нужно идти в море.

– Алиса, вот тебе яблоко. Посиди здесь, – чмокнула я дочку и побежала по мелкому морскому дну на глубину сердца.

Вода жала меня в соленое кольцо, и я вся превратилась в один сплошной зов. Секунда, другая, третья...

И нет ответа. Надежда, паника, снова надежда.

Мой зов заполнил меня так плотно, что я не сразу услышала крики с берега.

– Мама-а-а-а!

– Ма-а-а-ам!!!

Обернувшись, я увидела своих детей, размахивающих руками у кромки воды. Даже издали было видно, как Тимур дрожит крупной дрожью, подпрыгивая на берегу под пестрым полотенцем.

Я бросилась к детям. Плыла, цеплялась ногами за дно, падала и бежала, спотыкаясь о воду.

– Сын! Где ты был?! – обхватила я его за плечи.

– Я по пирсу прошел с той стороны, – ответил он, выстукивая зубами.

И показал подбородком на мешок, стоящий на песке:

– Смотри, сколько наловил. Еле до пирса доплыл. А там один дядя помог мне вытащить его наверх. Ну и я пришел.

Я посмотрела в его глаза цвета моря. Потом – на пирс с высокой кромкой, разделяющей его посередине, – за такой и меня было бы не видно. Потом – на мешок с блестящими черными мидиями. И снова – на сына.

В моей голове была пустота. В сердце – шум моря. В ногах – стекловата. Я опустилась на песок и обхватила колени руками в попытке собрать себя в кучу. Сзади подошла Алиса:

– Мам, а я Тимура первая нашла.

Дочка прижалась теплой щекой к моему виску.

– Мам, а сделаем сегодня плов с мидиями? – Тимур обнял нас двоих и клюнул меня поцелуем в макушку.

– Да... – рассеянно ответила я. Обхватила две светлые детские головки и прижала к своей груди. Раз, два – и сердце снова вспомнило, как ему положено стучать.

– Но чистить мидии будешь ты, – улыбнулась я сыну и побежала в воду.

– Ну ма-а-ам... – донеслось мне вдогонку.

С тех пор мы наловили много мидий на этом пляже. И на других тоже. Мы встречали разное море и разных людей. Давно уже мы не видели Капитана и его жену. И, спускаясь от парковки вниз, я почти не надеюсь разглядеть их полосатый зонтик у линии прибой.

Но я всегда помню, что у моря есть сердце. Сердце, которое говорит с нами на языке любви.

